

Ань Шаохуа в настоящее время имел двух личных слуг, одним из которых был Фугуй, который мог сопровождать его даже во дворец, а другим — Хуаньси, служивший ему с детства. Фугуй не был записан в рабские списки, был грамотным и знал этикет, поэтому обычно Ань Шаохуа брал его с собой на встречи с официальными лицами. Хуаньси же, будучи домашним слугой, отлично разбирался в делах усадьбы и занимался домашними хлопотами, став фактически управляющим Двора Струящегося Света. Таким образом, о передвижениях Фугуя Ань Шаохуа всегда был в курсе. Что касается Хуаньси... если тот сам не рассказывал, то узнать о его делах было практически невозможно.

В последнее время, помимо управления делами двора, у Хуаньси были и личные дела, о которых он не докладывал?

Размышляя об этом, Ань Шаохуа вдруг вспомнил, как два дня назад Хуаньси самовольно отнес что-то приемному отцу Цинъюань. Возможно, это был не первый раз, когда он передавал вещи за пределы двора. Хотя Ань Шаохуа не особо разбирался в домашних делах, он смутно чувствовал, что в этом что-то не так, но не мог точно определить, что именно.

Сегодня, едва увидев Хуаньси, Гу Мо сразу обратил внимание на его обувь. Это была привычка, оставшаяся с прошлой жизни — смотреть на обувь человека, которая часто говорила больше, чем его одежда.

В таких знатных семьях, как семья Ань, обычно была своя мастерская по пошиву одежды. Вся одежда слуг шилась там. Хотя она не была такой идеальной, как на современных фабриках, но в целом выглядела одинаково.

Обувь, которую сегодня носил Хуаньси, не была сделана в мастерской усадьбы. Само по себе это не было чем-то необычным — раз он был домашним слугой, возможно, ему сшили обувь мать или сестра. Но эта пара была особенной: с внутренней стороны обуви той же нитью, что и ткань, была тайно вышита ветка двойного лотоса, почти незаметная, если не присматриваться. Если бы не Гу Мо, вряд ли кто-то из мужчин, попавших сюда из другого мира, заметил бы это. Но Гу Мо в прошлой жизни был «государственным актером первой категории», поэтому он разбирался в таких узорах и вышивках. Двойной лотос, хоть и имел некоторый намек на романтику, но для Хуаньси, молодого и уважаемого слуги, было вполне естественно, что множество служанок готовы были заигрывать с ним.

Сама по себе обувь с вышитым лотосом не заслуживала особого внимания. Но дело в том, что такая же пара была у Эрню, телохранителя маркиза Чжунъюна Ань Юя, которого Гу Мо видел пару дней назад.

Это становилось интересным. Такие вещи, как пошив обуви или вышивка кошельков, были классическим способом в древности для полускрытого выражения симпатии. Но чтобы слуга сына и телохранитель отца преследовали одну и ту же цель — это было редкостью. Эта женщина явно была талантлива — как говорится, заяц ест траву у своей норы!

Гу Мо, размышляя об этом, невольно следил за Хуаньси, пока тот не вышел за дверь и не скрылся за углом. Только тогда он отвел взгляд и, встретившись глазами с Ань Шаохуа, машинально улыбнулся.

В это время у входа поднялся шум — это пришел дядя Цинь. Услышав голос, Гу Мо оживился, быстро подошел вперед и, протянув руки, сделал вид, что поддерживает старика. Дядя Цинь, увидев его, ускорил шаг, схватил руку Гу Мо и начал проверять пульс. Ань Шаохуа, хоть и был человеком ученым, знал, что для мастеров боевых искусств прикосновение к точке пульса

было делом деликатным. Видя, как дядя Цинь обращается с Гу Мо, он понял, что для последнего старик был не слугой, а скорее старшим родственником.

Осознав это, Ань Шаохуа поспешил подойти и поклониться. За дядей Цинь следовал мужчина лет двадцати, с красноватым лицом без усов, холодным взглядом, длинными руками и узкой талией, двигавшийся с легкостью, выдававшей в нем мастера боевых искусств. Он поклонился Ань Шаохуа и представился:

— Ваше превосходительство, Ань, поклон вам. Простолюдин Цинь Чжун.

Цинь Чжун? Ань Шаохуа сразу вспомнил, что Гу Мо, отправляя за лекарем от укуса змеи, упоминал, что если дядя Цинь недоступен, можно позвать Цинь Чжуна. Видимо, он был родственником дяди Цинь. Ань Шаохуа подумал, что стоит с ним сблизиться. Третий сын семьи Ань, выросший среди людей, знающих толк в общении, умел расположить к себе любого. За несколько минут разговора он уговорил дядю Цинь после осмотра отправиться с ним и Гу Мо в Терем Восьми Бессмертных.

Когда они подошли к двери комнаты, дядя Цинь вошел первым, огляделся и громко сказал:

— Вон, вон! Все, кто не нужен, выходите! Второй молодой господин и Чжун заходят, оставьте пару слуг для свидетельства, остальные ждите снаружи. Откройте окна, столько народа в комнате, с горящими жаровнями и закрытыми окнами — этого парня не так яд убьет, как духота.

После его слов все засуетились. Ань Шаохуа последовал за Гу Мо внутрь, и тот, обернувшись, сказал:

— Если ты действительно хочешь сблизиться с дядей Цинь, отправь карету семьи Гу назад и передай новости в усадьбу.

Ань Шаохуа отдал распоряжение и больше не говорил.

Дядя Цинь, хоть и давно не был на поле боя, не потерял своих навыков. Выслушав Гу Мо, он дал слуге лекарство и выписал рецепт.

Цинь Чжун пошел готовить отвар, а Гао Синьли с улыбкой подошел к дяде Цинь, чтобы завязать разговор.

Гао Синьли и дядя Цинь раньше не были знакомы, но в ходе беседы Гао Синьли заметил, что акцент дяди Цинь не был южным. Дядя Цинь лишь сказал:

— А, моя родина не на Южных землях.

И замолчал. Атмосфера стала немного напряженной, и Ань Шаохуа мягко спросил дядю Цинь о происхождении змеи, ловко сменив тему.

Эти змеи и насекомые чаще всего встречались на Южных землях, но дядя Цинь не был южанином. Он был простым лекарем из области Цан, имел небольшое имение, и его дети уже были женаты. Его жизнь была спокойной, пока местный чиновник не захотел взять его дочь в наложницы. Дядя Цинь отказал, но тот, не считаясь с законом, жестоко расправился с его семьей.

Дядя Цинь пытался подать жалобу, но отец чиновника был внебрачным сыном столичного

чиновника, и, хотя он не был записан в родовую книгу, его связи в области Цан были весьма сильны. Кроме того, сестра чиновника была любимой наложницей губернатора, и вся семья была практически неприкосновенна. Дядя Цинь, вместо того чтобы добиться справедливости, был обвинен в клевете на государственного чиновника, получил несколько десятков ударов палками, а его имущество было конфисковано. Кто-то, пожалев его, спас ему жизнь. После этого дядя Цинь, потеряв все, хотел только мести. Он пытался убить обидчика, но был схвачен и избит до полусмерти. Позже он попытался отравить его, но неудачно, едва не убив постороннего.

В отчаянии дядя Цинь вспомнил, что в молодости читал о колдовстве на Южных землях и еще дальше на юге — о практике наложения проклятий. Хотя это считалось губительным для души, оно казалось ему способом отомстить. Он похоронил свою семью и поставил себе памятник рядом с могилой жены, отказался от фамилии и отправился на юг.

На Южных землях он встретил человека, называвшего себя мастером ядов. Дядя Цинь учил его медицине, а тот учил его разводить ядовитых насекомых и лечить отравления.

Через несколько месяцев дядя Цинь понял, что этот человек был не мастером ядов, а скорее «отравителем». Осознав это, он написал книгу по медицине и хотел уйти, но в горах нашел окровавленного человека. Тот, очнувшись, забыл все свое прошлое, и дядя Цинь дал ему имя Цинь Чжун — имя, которое он придумал для своего еще не родившегося внука.

Позже дядя Цинь сблизился с местными жителями, лечил их, учил их собирать травы и продавать их в городе. В свободное время он учил детей простой математике. Он больше не думал о том, чтобы уничтожить себя, чтобы отомстить.

Когда Люйчэнь по приказу совершил рейд на Западных варваров через Южные земли, дядя Цинь присоединился к армии семьи Гу.

После ужина они проводили дядю Цинь обратно в усадьбу герцога и вернулись в Двор Струящегося Света уже к вечеру.

2017, привет~

В карете Ань Шаохуа спросил Гу Мо, что он думает об этом деле. Гу Мо, немного подумав, не стал торопиться с ответом.

<http://bllate.org/book/16674/1529432>